

A scenic view of a village with wooden houses and mountains in the background. The foreground is filled with yellow wildflowers. Two children are walking away from the viewer on a path through the flowers. The village has several wooden houses with dark roofs, some with corrugated metal. The background shows rolling green hills and distant mountains under a cloudy sky.

Татяна Демакова

Уд дороги чибис

18+

Татяна Демакова

У дороги чибис

«Автор»

2026

Демакова Т.

У дороги чибис / Т. Демакова — «Автор», 2026

Родителей не выбирают. А вот детей можно выбрать. А еще можно подменить. Да, именно такая история произошла в одном сибирском поселке, доктор сознательно перепутал младенцев. Девочки не волею судьбы, а по воле эскулапа растут в чужих семьях. И вот однажды, когда им исполнилось по восемнадцать, случилось нечто

© Демакова Т., 2026

© Автор, 2026

Татьяна Демакова

У дороги чибис

У дороги чибис.

- Пора и спать! – Глеб с шумом захлопнул учебник физики и с тоской подумал о завтрашнем дне: контрольная, сочинение по литературе, тест по английскому... Кончится ли когда-нибудь эта школьная тягомотина?

В дверь позвонили.

- Ого! – Глеб взглянул на часы. Вот странно, кого это, на ночь глядя принесло?

- Сразу не открывай, спроси, кто там? – крикнула мать из своей комнаты.

- Угу! – бодро отозвался Глеб. Но свет в прихожей не зажег, в «глазок» не посмотрел и уж тем более не стал интересоваться: кто там, а резко распахнул дверь.

Белобрысый паренек в мужицкой телогрейке солидно спросил:

- Глеб Осокин здесь проживает?

- Ну допустим, а что?

- Телеграмма, распишитесь! – звонко, как-то по-пионерски отрапортовал юный почтальон. Глеб автоматически чиркнул закорючку, символизирующую подпись, и с любопытством развернул бланк телеграммы.

«Мария при смерти зовет Глеба».

Строчки запрыгали перед глазами. Какая Мария? Зачем зовет? Обратный адрес – деревня Тогучин. Не знал он такой деревни, даже и не слышал. На мгновение Глеб оторопел, потом, словно спохватился.

- Стой! – рванул за белобрысым пареньком. – Тут, видимо, ошибка вышла, - взмахнул перед носом паренька бланком телеграммы.

Мальчишка прищурился и с достоинством школьного отличника отчеканил:

- У нас ошибок не бывает! – и поскакал по ступенькам.

- Мать, - Глеб заглянул в полумрак комнаты, где на тахте под розовым колокольчиком торшера она обычно читала.

- Что такое? – Александра Петровна нехотя оторвала взгляд от книги. Взяв из рук сына почтовый бланк и перечитав несколько раз текст, - она протянула с недоумением. – Хм, Новосибирская область, ты там был? – вопросительно взглянула на Глеба.

- Не был. Но раз зовет, нужно ехать! – неожиданно для самого себя заключил Глеб.

- Зовет?! – в голосе матери послышались нотки возмущения. – Но кто она такая?

Глеб пожал плечами.

- Нет, ты знаешь, но скрываешь, - мать перешла на шепот. – И пока все не скажешь откровенно, ни копейки на дорогу не получишь!

- Ну и напугала, - усмехнулся Глеб про себя. Он уже давно в периоды материальных затруднений мотался через весь город к отцу.

Отец был занят всегда. Побеседовать больше получаса удавалось редко. Но отец признавал, как он сам выражался, мужской разговор.

- Сколько?

- Десять, - робко выдавливал Глеб поначалу. Потом осмелел, мог зарядить и полтинник, и сотню.

Отец, почти не глядя, отсчитывал купюры.

- Все относительно в нашей жизни, а эти бумажки тем более. Не относись к ним серьезно, мальчик!

Эта фраза заменяла обычное людское «до свидания».

Мать не догадывалась о поездках Глеба к отцу. Она всегда гордилась, что сумела поставить на ноги сына, отказавшись от материальных субсидий человека, заявившего ей однажды, что с женитьбой нужно подождать. Подругам она часто говорила:

- Я не простила лишь одной фразы. И никогда не пожалела об этом. Мы с Глебушкой счастливы вдвоем.

Вопрос спорный. Глеб не разделял точку зрения матери. Он много раз слышал обрывки той давней истории. Было время, когда отец, дескать, приходил, умолял, чуть ли не на коленях. Просил простить случайную фразу. Но гордая Шурочка не сдавалась. Маленький Глеб, засыпая, часто мечтал о том, как славно жили бы они втроем.

Но все это детские штучки, которые остались в прошлом. А теперь его вполне устраивала и такая расстановка сил. Отец на одном полюсе, мать на другом. А он, как бродячее солнце.

Отец больше не делал попыток жениться. Все его время было съедено работой, точнее теоретической физикой. Глеб ненавидел эту науку. Ему казалось, стоит заняться физикой всерьез, и она поработит и навсегда проглотит его. Мать сохранила детский рисунок, где Глеб среди бушующего океана изобразил акулу с огромной пилой зубов. На жирном теле морской хищницы вкривь и вкось буквы «фи-зи-ка». А на желтом берегу тапочки.

Вот какой эмоциональный и ассоциативный мальчик рос!

- Что ты молчишь, сын? – спросила мать тихо и почти нежно. В последнее время она стала особенно ласковой. Глеб догадывался, что так она старается помочь ему комфортно пережить переходный возраст. И он ей подыгрывал, демонстрируя нюансы этого трудного пресловутого возраста, про который набрался информации из всех популярных журналов.

- Мамочка, - он пропел ей в тон так же ласково, - если человек тяжело болен, почти при смерти, а, может, уже и не почти, ехать просто необходимо.

- Ты стал совсем взрослым! – серые глаза матери прищурились, словно задерживая невидимые слезы. - И, если это твоя тайна, я не вправе допытываться.

- Молодчина! – это Глеб про себя похвалил родительницу. – Настоящая интеллигентка.

- Решай сам, - произнесла мать торжественно.

Глеб подошел к окну. Уставился в темноту. Принял глубокомысленный вид, хотя никаких серьезных мыслей в голове не было. Но он знал, что мать наблюдает за ним. Он даже выстроил в цепочку ее мысли.

«Неужели этот высокий парень – мой голенастый страусенок? Когда он успел так вымахать? В детстве был светленький, пушистый, точно одуванчик, а теперь на голове каштановая грива. У малыша глаза сияли голубыми звездочками, а сейчас – серые, непроницаемые. А этот штрих упрямого рта. Чей он такой?»

- Поеду! – Глеб как можно картиннее вздохнул, будто решил для себя сложнейшую задачу. Отошел от окна. – Непременно поеду!

В школе обошлось все, как нельзя лучше. Классная руководительница, Инесса Сергеевна, потрянув рыжим барашком на голове, сначала взвопила:

- Как так, уезжать! Этот год – время ответственных решений. Вы – выпускники, перед вами открыто столько дорог, можно и ошибиться, пойти не по той, самой правильной тропке. Мыслимо ли пропускать даже три дня, не говоря уже про целую, слышишь, целую неделю! – она бы продолжала ораторствовать и дальше, но, натолкнувшись на скорбный взгляд Глеба, замолчала. Дотронулась до джинсового рукава. – Прости меня, Осокин! Рождаются и умирают один раз в жизни...

Опустила взгляд на свои вечные лакированные лодочки, пробормотала:

- Не понимаю таких взрослых, что сваливают на детские плечи и слезы, и грехи.

Глеб молчал и грустно смотрел в толстые линзы очков учительницы.

- Что же поезжай, ты парень способный, быстро нагонишь. Захотел бы так вообще с золотой медалью школу окончил! Удачи! – она резко повернулась и застучала каблуками по коридорному паркету.

- Уф! – выдохнул Глеб. Красота-то какая! Внутри все ликовало. Он лихо съехал по перилам лестницы, не больно щелкнул по лбу подвернувшегося первоклассника. Прямо каникулы нарисовались! Что за волшебница Мария устроила этот сюрприз?

Повезло и с билетом. Он купил его за час до отхода поезда у какого-то заполошного командировочного, пьяно бормотавшего о невыполненных задачах деловой поездки. И, как только вагон дернулся, и за окном поплыл перрон Московского вокзала, он, взобравшись на вторую полку, прикрыл глаза и попробовал представить себя в неожиданном приключении. Вот он идет по маленькой деревенской улочке. Эдакий фирмовый городской парень, упакованный в модный джинсовый костюмчик, кроссовочки «Адидас», в кепарике с надписью «Зенит». У старушенции, она обязательно в цветном платке сидит на завалинке, небрежно так интересуется:

- Будьте так добры, не откажите в любезности, подскажите питерскому парню, в каком доме Мария проживает?

А дальше сюжет не раскручивался. Глеб никак не мог решить: старая Мария или молодая. Если помирать собралась, вроде как должна быть старой по всем житейским законам. Но тогда причем здесь Глеб? Хотя сам он понимал, что все детали не столь важны. Главное, что он едет самостоятельно, один, и волен во всех своих поступках.

На вторые сутки дорога стала надоедать. Он уже и пожалел, что ввязался в эту авантюру. В купе было тесно и жарко. Семья, ехавшая из Питера в Новосибирск, оказалась ужасно прожорливой. Запах жареных кур и вареных яиц тяжелым облаком висел над столиком. Глава семейства, толстый, лысоватый мужчина, всякий раз, как жена с дочерью отлучались, подмигивал Глебу.

- Дернем по маленькой!

- Не пью! – в пятый или десятый раз отвечал Глеб.

- Вольному воля! – сосед, воровато оглядываясь, булькал в стакан. Смачно крякал и принимался за курицу.

В Новосибирск прибыли ранним утром. Вокзал не спал.

- Вся страна на колесах! – говорила обычно мать, когда отправлялась в путешествие.

- Вот уж действительно, – как бы согласился Глеб, с трудом протискиваясь через стаи теток с тюками. Раздраженный, невыспавшийся, он вышел на привокзальную площадь. Сосед-сибиряк, любитель выпить и закусить, уверял, что новосибирская постройка уникальна. Вокзал точная копия локомотива. Глеб постоял, поглазел, поеживаясь под утренним ветерком, но обещанного локомотива не увидел.

- Авангард какой-то! – сердито произнес вслух и пошел, куда глаза глядят. Еще вчера вечером он решил, что побродит по городу, как-никак пусть неофициальная, но столица Сибири, переночует на вокзале, а утречком махнет в деревню к Марии.

Город начинался с коробок. Глеб, глядя на стандартные многоэтажки, бесился. Зачем будущие горе-архитекторы, поступая в институт, сдают рисунок, лепку, еще какие-то творческие бирюльки, а потом, как под копирку, создают убогие многоярусные курятники?

- Эй, парень, че тащишься, как верблюд на водопой? – девчонка катила перед собой несущую тачку, накрытую серой мешковиной.

- Дай, помогу! – протянул руку Глеб.

- Кыш, ты, помощничек! – девчонка презрительно окинула взглядом его джинсовый облик.

Пришлось посторониться. А потом взял и уцепился за тележку.

- А мне говорили, что сибиряки гостеприимные!

- Пошел ты! – девчонка разозлилась не на шутку.

Странная какая! Не поймешь, сколько ей лет – четырнадцать или семнадцать? Длинная юбка. Кофта вытянутая, линиялая. Чулки в резинку. Он даже засмеялся, представив свою подружку, модную Катку в подобных одежках.

- Че ржешь-то? – зыркнула девчонка.

- А-а, ты думаешь, что я намерен утащить твоё барахло, – догадался Глеб, выразительно кивнув на тачку.

- Кто тебя знает!

- А что это у вас все дороги перекопаны? – возмутился Глеб, в очередной раз перепрыгивая рытвины.

- Метро строят! – с гордостью произнесла девчонка. – Хороший город, – мечтательно пропела. Прищурила глаза, уголки губ вспорхнули вверх.

И Глеб понял, что мечтает она жить в этом городе в одной из пятиэтажек. Муж будет вкалывать у станка или на стройке, она – возиться с детишками. К старости накопят денег на дачку. И дадут жару – урожаи будут собирать на зависть всем соседям. Закваска-то деревенская, с землей обрученная!

- Хочешь, скажу, о чем мечтаешь?

- Ну! – девчонка дернула плечом. Он посмотрел еще раз на ее сбившийся платок, на крупные гроздья веснушек, рассыпанные по пухлым щекам, на обветренные руки с обломанными ногтями, и его понесло.

- Представляешь, огромный зал. Тяжелые бронзовые канделябры. Мерцание свечей. Барышни в длинных, почти воздушных платьях. И ты... Вся в пене розовых кружев. Веером обмахиваешься. Туфелькой золоченой нетерпеливо постукиваешь по замысловатому паркету. А в глазах вопрос: «Ну, где же он»? И тут я. В черном фраке взбегаю по мраморной лестнице. А потом...

- Да ну тебя! – девчонка протянула обиженно. – Если хочешь знать, я тоже всякие романы читаю. Только мечтать мне некогда. Приехали мы!

- Куда! – Глеб с недоумением остановился. – А-а, ты на рынок. Ну до чего же я догадливый, – засмеялся он, прочитав аршинные буквы на заляпанной вывеске. – Чем торговать-то будешь?

Девчонка быстро откинула тряпку, прикрывающую несуразную повозку.

- Видал, какая наша картошечка!

- Класс, – задорно выкрикнул Глеб, почувствовав в этот момент тоскливый голос голодного желудка. – Кушать хочется!

- На, держи! – девчонка вытянула из бумажного пакета кусок черного хлеба с салом. – Помогал мне, знать, заработал! – по-бабьи солидно поправила платок. – Пошла я. Некогда мне с тобой тары-бары разводить.

- Давай, давай, – Глеб помахал рукой. – Бог в помощь! – уже уходя, обернулся:

- А имя-то у тебя есть, королева прилавка?

- Че? – растерялась девчонка. – А-а, имя? Светка я.

- Ну, будь здорова, Светка!

Устроившись на скамейке, Глеб с аппетитом сжевал бутерброд, выданный Светкой. Розоватое, с чесночным духом сало таяло во рту, хрустящая горбушка пахла печкой.

- Хорошо, да мало, – Глеб потянулся, хрустнув всеми суставами.

Разгорался обычный городской день.

- Интересно, – подумал Глеб, – отличаются чем-либо люди в стольном граде сибирском от питерцев? – и стал пристально всматриваться в лица.

Сумрачные безрадостные мужчины жадно затягивались папиросами. Может, и позавтракать-то не успели, час ранний. Женщины в основном, почему-то толстые, в серых, темных пла-

щах балахонах, в резиновых сапогах. В Питере в таких только за грибами выбирают, а здесь по центру города разгуливают.

Ба! Трамвай номер тринадцать остановился напротив скамейки, где Глеб уже начал замерзать. В Питере он любил маршрут тринадцатого. Стучащий экипаж довозил его с проспекта Большевиков прямехонько к Николе. К любимому собору Святого Николая. Глеб вскочил в вагон. Но не было за пыльными стеклами причудливых мостиков, величавых церквей. Были толчея, давка. Очереди. Горластые тетki будто соревновались по поднятию тяжестей, перекидывая из одной руки в другую свои безразмерные авоськи.

- Ну и молодежь нынче пошла, никакого уважения к старости, - проворчал скрипучий голос прямо над головой Глеба. Но Глеб не отреагировал. И не уступил место ни пузатому, румяному деду, ни пятилетнему пацану, противно хныкающему «ножки устали».

- Ничего, постоишь, не маленький! – прохныкал Глеб про себя, ехидно передразнивая мальчишку, и прикрыл глаза, изображая сон измученного человека.

Накатавшись на трамваях, автобусах, нагулявшись по незнакомым переулкам и не найдя ничего примечательного в продутым ветрами городе, Глеб зачем-то вернулся к рынку. На металлических воротах красовался огромный замок. На душе было тоскливо и одиноко. Несколько раз он спросил себя: зачем поехал? Но ответа не нашел.

На вокзале он уныло отстоял в молчаливой веренице к буфетной стойке.

- Кофе бочковой? – поинтересовался у буфетчицы.

- Че несешь-то, будешь брать че-нибудь, иль делать нече? – обнажила золотые зубы толстая, в грязном халате, с ярко - намалеванным ртом тетка.

- Буду, - вздохнул Глеб. Взял серое кольцо, именуемое в ценнике коржиком, и теплое пошло под названием «кофе с мол.»

Время словно остановилось. До нужного поезда оставалось вечность. Целых пять часов.

Он пристроился подремать на скамейке. Две женщины, маленькие и остроносые, как нахохленные птицы, испуганно отодвинули свои сумки. И чего во мне такого страшного? С усмешкой вспомнил, как утром шарахнулась от него девчонка. А, впрочем, времена нынче странные. Все друг друга опасаются. Месяц назад возвращался он поздненько домой. Вошел в темный тоннель новостроечной арки. Впереди торопливо семенит длинный худой мужчина. Услышав шаги Глеба, он прибавил ходу. Глеб тоже включил скорость и, обгоняя длинного, нечаянно задел рукой. Мужчина вдруг заорал благим матом и бросился бежать. Смешно вспомнить, ни и Глеб ведь побежал. Хорошо, хоть не закричал за компанию.

Неуютно, жестко на скамейке. Прикрыв глаза, пытался представить, что мать сейчас поделывает. Читает, наверное. Очень уж она увлеклась романом про напористую американку с Юга, Скарлетт о Хара. Мысли о доме расслабили и немножко успокоили. Потянуло в сон.

- Молодой человек, ваши документики? – усатый, грузинистого вида лейтенант милиции бесцеремонно толкнул Глеба в плечо.

- Билет есть?

Глеба так и подмывало нахамить. Еле сдержался. Медленно стал вытаскивать из кармана все железнодорожные бумаженции.

- Что еще показать? – с вызовом уставился в темно-лиловые, как переспелые сливы, выпуклые глаза стража порядка.

- Ты не задирайся, - усатый побледнел.- Не у себя дома, сам знаешь! – протянул Глебу билеты.- На вокзале спать не положено, так-то!

Глеб, скрывая досаду, промолчал. Еще не хватало конфликта с милицией. Мало ли, что придет в эту голову под форменной фуражкой? Еще и выведет из зала ожидания под белы ручки. Демонстративно развернул газету. Сна и приятных убаюкивающих мыслей не было. А через полчаса зал закрыли на уборку. Мрачные сонные тени мерзли у дверей, проклиная ночных уборщиц, а заодно и страну, где все делается во благо человека. Два раза Глеб подходил

к кассам дальнего следования. Может, закомпостировать билет до Питера, да и поставить точку на своей авантюре? Ночь на вокзале вымотала силы. А незнакомая Мария перебьется и без него. Жила же раньше.

- Эй, парень, - кто-то легонько тронул его за локоть. Обернулся. Утренняя знакомая сияла во все свои веснушчатые щеки.

- А ты и впрямь приезжий! – почти с восхищением воскликнула она. – А я ведь же думала, наркоман какой ко мне привязался. Крепко взяла Глеба за руку.

- Идем, мы там с мамкой в уголке уютно прикорнули.

- Поторговала-то как? – Глеб нехотя шел за девчонкой.

Возле окна на двух узлах полусидела, полулежала румяная женщина в зеленом платке.

- Светк, ты же, кого привела? – женщина без интереса взглянула на Глеба.

Светка покраснела и, не отвечая матери, спросила:

- Сала хочешь?

- Не, спасибо, - поморщился Глеб. Во рту еще стоял привкус бочкового кофе. – Вы здесь так забавно говорите, через слово «че», «че». Местный диалект, как заметила бы наша шибко грамотная русичка.

- Че? – переспросила девчонка.

- Да ниче, - рассмеялся Глеб. – А ты, я вижу, не продала ничего? – кивнул в сторону тачки.

- Ну ты скажешь! Еще как продала! А на тележке – гостинцы. У нас ведь полдеревни родня. Обидятся, если кого забудешь. Мамка в прошлый раз бабке Глаше платок задарила, а Нюре нет. Так Нюряха полгода не здоровкалась.

- О времена, о нравы! – продекламировал Глеб. – Свет, а вы в какой деревне живете? – спросил, а сердце екнуло: вдруг по пути? Все веселей будет ехать. – Вот посмотри на обратный адрес, - достал телеграмму.

Светка похлопала длинными рыжими ресницами.

- Не, это соседская деревня, не наша. Мамк, глянь-ка, ты такую не знаешь?

Мать девчонки долго изучала телеграфный бланк. Вот уж действительно буквы знакомые ищет! Глеб даже занервничал.

- Садись, - почти по-родственному пригласила женщина, проворно подвинувшись на своих тюках. – Слушай, в Тогучинке я знаю Глафиру, Шурку, Николая, - стала загибать пальцы. – А вот Марию, - она смотрела прямо в глаза Глебу, как будто искала подсказки. – Не, не знаю, - так глубоко вздохнула, словно провинилась и опустила глаза.

- Да будет вам, не расстраивайтесь! – снисходительно произнес Глеб. – Найду я эту Марию, если жива, конечно! – почему-то перед рыжей Светкой и ее такой же огненной мамашей не хотелось ничего изображать.

- Да, да, - радостно закивала головой женщина. – Найдешь, где ж ты денешься! Вот лучше Расскажи, как вы в своем городе маетесь?

- Почему маемся? – удивился Глеб.

- Да, знаю, знаю, - она жалостливо, как на больного смотрела на Глеба. – Моя подружка закадычная, ой, как дружились мы с ней когда-то, в город укатила. Не хочу, говорит, в навозе ходить по колено. Да и парни ей нашенские больно противные стали. Ну, уехала. Веришь, три года от нее ни слуху, ни духу не было. А потом появилась. При муже, с сынком вдобавок. Я, как глянула на их семейку, так и язык прикусила. Три ходячих скелета. У Натаха такая справная у нас была. А что ты думаешь, питание городское какое? Колбаса вонючая, да яйца резиновые. Ты не обижайся, но ты тоже тощеватый. У городских какая-то особая дохлявость.

- Поправлюсь еще, какие мои годы, - успокоил Глеб рассказчицу. – Ну, а дальше-то что?

- А что дальше, - причмокнула женщина языком. – Месяц они у Наталкиных родителей жили. А Наталья все какая-то невеселая. Не засмеется лишний раз, а ведь хохотуны мы с ней были. Правда, одета, как барышня с журнала. Но, знаешь, как будто не для себя живет, а для

кого-то. Словно, с кем-то вперегонки бежит. И остановиться сил нет, и догнать не может. Ты понимаешь, о чем я говорю?

- Да вроде я понятливый. Вы хотите сказать, не в свои сани не садись.

- Точно, точно, - заулыбалась женщина.

- А у нас еще говорят, где родился, там и пригодился.

- Но дело-то не в этом. Мужик-то ейный к концу отпуска заявил, дескать, давай, Наталья, здесь и останемся. А она, ишь, как ее обманная жизнь затянула, ни в какую. А я так думаю, помаются еще с годок, да и приедут на наши просторы. Так что, может, и тебе в Тогучинке понравится.

- Ну, уж вы напридумываете, - Глеб даже растерялся от подобной перспективы.

Объявили посадку на нужный поезд. Выражение лица Светкиной матери резко изменилось. Сосредоточенно, целеустремленно ринулась она вперед. Глеб еле поспевал за мешочным караваном.

В вагоне было тепло. Глеба быстро разморило и он задремал.

- Приехал! Приехал! – Светка отчаянно трясла его за плечо.

- Нам на следующей вылазить, а тебе сейчас. Если че не так, давай к нам приезжай. Болоты мы. Наш дом тебе всякий покажет.

- Ладно, ладно, - Глеб отчаянно тряс головой, пытаясь проснуться. – Еще увидимся, жизнь она интересная штука. Такие сюжеты придумывает, ни в одной книжке не прочитаешь!

- Че, че? – переспросила девчонка.

- Да ниче, чао, бамбино! Приехал! – Глеб спрыгнул на платформу.

Вдохнул полной грудью. Оглянулся по сторонам. Красота! На пригорке золотился лесок. Рядом поднимались аккуратные домики. И над всем этим высокое ясное небо. Откуда-то взялись силы, насвистывая, он почти вприпрыжку одолел расстояние до станционной будки. Приветливая, с ямочками на щеках темноволосая женщина, радуясь редкому гостю, заверещала:

- Заходи, заходи. Сейчас проясним твою ситуацию. Ты, чей будешь? Может, Ивашкиных? Они внука ждут. Должен в отпуск, аж из Москвы прикатить. Да нет, - она прищурилась, оглядывая Глеба. – У них все белесые как бы, а ты темноватенький. Ты, может, к библиотекарьше нашей, к ней, бывает, ездят ребята из городу,

- Да вот, - Глеб достал уж порядком измятый бланк телеграммы.

Женщина несколько раз перечитала текст. Нахмурила пушистые брови.

- Погоди, погоди... Дошло, наконец. Это же бабка Маня. Только не хвораю она нынче. И помирать не собирается. Что же это? – пристально взглянула на Глеба.

От ее подозрительного взгляда у Глеба даже мурашки по спине побежали. Ну и ну, так смотрит, будто он наемный убийца. Сматываться нужно поживее, а то засадит под арест в этой будочке, в ожидании милиции.

- Ну, я пошел!

- Да, да через мостик, потом четыре дома, а там и калитка бабки Мани.

Глеб шел по тропинке и спиной чувствовал сверлящий взгляд. Он толкнул крашеную зеленой краской дощатую калитку. Небольшой дворик аккуратно подметен, как будто только что кто-то прошелся метелкой вокруг клумбы с жарко пламенеющими георгинами. Глеб громко кашлянул. Крикнул:

- Бабушка Маня!

Тихо. Может, померла уже? С опаской подошел к крыльцу. Тщательно вытер ноги о круглый вязаный половичок и по городской привычке стал искать кнопку звонка. Неожиданно из-под крыльца выпрыгнул черный здоровый кот.

- Ах ты, красавец деревенский! – Глеб нагнулся, чтобы погладить блестящую выгнутую спину. Но кот не разрешил. Спрыгнул на тропинку и, важно задрав хвост, озабоченно побежал за угол дома.

- Ишь ты, с характером. Сторож, - улыбнулся Глеб и постучал согнутым пальцем в двери. Прислушался. Тихо.

- Ну ладно, - он присел на крыльцо, - подожду немного. Заходить в незнакомый дом было страшновато.

- Кто это к нам пожаловал? – неожиданно раздался голос с той стороны, куда удалился черный кот. Маленькая сухонькая бабка быстро семенила по тропинке. – Вот ведь тварина умная, Тимофей-то мой! Муркает и муркает возле ног. Я гоню его, а он в сторону дома бежит и оглядывается, будто зовет, иди за мной. Вот и приковыляла! Ты, че, парень, не заблудился ли? – бабка Маня остановилась рядом с Глебом. Ее седая голова с коричневой гребенкой и сползшим платком в мелкий горошек, находилась на уровне плеча Глеба.

- Бабушка Маня, я вот, - растерялся Глеб, - телеграмму получил. Сказал, а потом вдруг испугался, а что если у нее болезнь неизлечимая, и она об этом не догадывается, а он сейчас, бац! и свалит наповал известием о том, что смерть близка. Может, телеграмму соседка дала или врач?

- Че там, прочитай. Очки-то в доме, - бабка, чтобы видеть лицо Глеба, запрокинула голову. Маленький острый нос стал похож на клювик любопытной птицы.

Глеб откашлялся, не спеша развернул бланк телеграммы.

- Мария... - на секунду запнулся и с ходу изменил напечатанный текст, - Мария заболела, зовет Глеба.

Бабка всплеснула руками.

- Так ты Глеб Осокин? Постой, постой. Фамилию-то твою болотную я перепутать не могла. Да только, - она недоверчиво смотрела на Глеба, - сколько годов-то тебе?

- Восемнадцать, - соврал Глеб, прибавив целый год.

- А-а, всего-то, - произнесла бабка поникшим голосом. Глаза в момент стали бесцветными, спина сгорбилась. – Ошибочка вышла, пошли в дом, - тихо пробормотала. Куда-то пропала ее стремительная проворность, она тяжело зашаркала по дорожке.

- Чем я, осел, ее так расстроил? – Глеб молча шел за маленькой узкой спиной, принаравливаясь к ритму неспешных шагов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.